
Эвелина АЗАЕВА

ГРАДОНАЧАЛЬНИК И ВЕГА

Рассказ

Виолетта не любит свое имя. А ее мать не любит, когда она об этом говорит. Обижается.

— Что, надо было тебя Леной назвать? Это все равно что пронумеровать! — заводитесь мать.

— Все равно надо было не Виолеттой, — отвечает сорокалетняя дочь. Этот спор у них уже лет тридцать длится.

— А как?

— Мне нравятся древние римские имена.

— Перепетуя? Цецилия?

— Нет, правда же у них имена красивые? — мечтательно уводит глаза вверх Виолетта. Точнее, Вега. Так она переименовала себя еще в юности, и все вокруг уже привыкли к тому, что эта хрупкая, невысокая женщина носит имя звезды.

— Да. Имена замечательные. Особенно мужские. Марк Трахал Пизон. Или Публий Галлерий Трахал. Тебе какое больше нравится? — ехидничает мать.

Мать Веги, Лариса, преподаватель античной литературы. В России была преподавателем. А сейчас они с дочкой владеют цветочным магазином в Канаде. Уже почти двадцать лет. Но каждая о первой своей профессии не забывает. Лариса пишет научную работу, сравнивая литературу Древнего Рима и Греции, а Вега, окончившая Суриковское училище, в свободное время пишет картины. Для души — на разные сюжеты, чаще всего героические — из истории Древней Руси, а для денег — портреты. На юбилеи, свадьбы... Портреты хозяев магазинов и салонов красоты, риелторов и прочих коммерсантов продаются в русскоязычной общине куда успешнее, чем «Оборона Козельска».

Вега все двадцать лет чувствует себя белой вороной. Нет, все хорошо: цветы покупают, деньги есть, муж — тоже (именно в этой, увы, последовательности), дочь учится в университете. Мама жива и здорова. И вообще, в Канаде очень комфортно, спокойно.

Но про оборону Козельска поговорить не с кем. А еще говорят, что уехали мозги.

Но это ведь блажь — понятно же. Ну, не знает большинство эмигрантов историю так, как она, ну мало книг читают, и что? Если духовный вакуум — езжай в Россию, надышись, и назад... В теплое, уютное канадское гнездышко. Которое вьют вовсе не с помощью чтения, а одной сплошной пахотой.

Эвелина Азаева родилась в 1970 году в Алма-Ате, окончила журфак КазГУ. С 1991 года жила в Новосибирске и работала сборком «Комсомольской правды» в Сибири. С 1998 года живет в Торонто. С 2004-го по 2017 год издавала газету «Комсомольская правда в Канаде». Является сборком «КП» в этой стране. С 2018 года издает газету на английском языке «York Region Review». Автор двух сборников рассказов, вышедших в Канаде («А хочешь в Канаду?» и «Полное накрытие»).

Вега с матерью так и делают — ездят в Россию. Правда, не вместе, а по очереди. Магазин же не оставишь.

Набегается Вега по московским театрам и галереям, и домой, на канадщину. С наполненной душой, набитыми чемоданами и радостным блеском в глазах. Потому что Россия — уже совсем не та, что в девяностые. Страна на глазах лучшает, с каждым годом хорошеет. Вот в прошлом году улица, где Вега всегда селится в съемной квартире на три недели, не была вымощена, а в этом уже вымощена, и ресторан на ней роскошный открыт. В прошлом году храм рядом только закладывали, а в этом уже стоит и храм, и колокольня!

Вега родину любит. Уехала в Канаду в конце девяностых, когда стране не нужны были ни художники, ни писатели, ни поэты. В общем, когда творческая интеллигенция глодала корку. Ну, поработала в «комке» продавцом, так ее уже через неделю хозяин выгнал — не давалась в руки... В газете попыталась графиком-дизайнером поработать, наскоро окончив курсы, однако тоже не пошло. Зарплату перестали платить. 1996 год...

Мать вообще в то время голодала бы, если бы не спасалась тем, что на оставшейся от бабушки швейной машине шила мягкие игрушки — собачек и кошечек. На фабрике по дешевке скупала лоскутки и строчила после занятий в университете. Там мизерную зарплату ей платили раз в три месяца.

И вот — Канада. Вега живет здесь уже почти двадцать лет. И не то чтобы полюбила эту страну. Нет, она считает, что любит только свое. Чужое — уважается. Или не уважается. Нравится. Или не нравится. Но любит только родное. Забодаешься по всему миру-то ездить и все любить. Вон у нее сосед — сначала жил в Аргентине, потом в США, теперь в Канаде. А сам — еврей из Белоруссии. И любит, как говорит, только Израиль.

Так вот, Вега не то чтобы любила Канаду, нет. Она привыкла к ней и относилась с пониманием, если можно так выразиться. Она видела в этой стране очень много хорошего и очень много плохого. И понимала. Что никто ей ничего не обязан. Что они сами, коренные канадцы, живут непросто. Тяжело работают, жизни духовной практически не имеют. А правительства их, лишь условно отличающиеся друг от друга, постоянно вводят какие-то странные законы, как будто специально придуманные для того, чтобы обыватель пугался и бледнел. Вот до невозможности расширили права органов безопасности — и канадцы вышли на митинги. Стоят себе, заиньки, с плакатами. Тихонечко... Протестуют. Потом сворачивают плакатики, на которые власти и не посмотрели, и расходятся по домам.

Но стояли же! Тысячи человек. Вега в те дни ими восхитилась.

Или сексуальные новшества. Тут власти будто соревнуются меж собой — кто безумнее. То какую-нибудь программу сексобразования придумают, от которой родители в обморок падают, то про зоофилию постановят, что «без проникновения» в животное — это не секс, а бирюльки, потому все позволено (наверное, надеются, что собаки и кошки будут звонить на «горячую линию» и докладывать как дело было), то сообщат, что полов, оказывается, не два, а много, и туалетов диковинных для новооткрытых полов понаделают...

Вега была советским человеком. В многополость не верила, а вот версия о масонском заговоре, целью которого является превращение общества в безыдейное, бесполое, послушное стадо, смеха у нее не вызывала. Вызывала задумчивость. Хотя все окружающие эмигранты, про оборону Козельска не ведающие, во всю глотку ржали, услышав слово «заговор».

Вега же, воспитанная мамой, знающей античные времена, считала, что заговоры — это перманентное состояние любого общества. Где власть, там и заговоры. Во всех стра-

нах и во все времена. Да что там страны, в каждой фирме время от времени — заговоры. Люди бьются за малехонькое место под солнцем. А что уж говорить о большой власти и больших деньгах?

Открывая каждое утро газету, Вега читала заголовки: «В государственных учреждениях Квебека отменена молитва», «Профессор вызвал скандал тем, что не хочет обращаться к студентам с помощью местоимения среднего рода», «Выпускников христианского университета не принимают в адвокатские ассоциации, потому что в вузе они дали клятву не вступать ни в какие сексуальные отношения, кроме гетеросексуальных». И каждый год, как заключительный аккорд: «Канада признана лучшей страной для проживания».

Попробуй поспорь. Жить здесь действительно удобно. Ипотеку дают под маленький процент, у всякого есть машина. Бизнес вести — безопасно. Коренные канадцы со всеми обращаются вежливо и дружелюбно, косяка на эмигрантов не дают. Картошка в магазинах — мытая. (Вега при поездках в Россию обратила внимание, что там в супермаркетах картоху все еще немытую продают. Это, конечно, минус, но зато она не генно-модифицированная.)

Так что жить в Канаде очень даже розово, если не читать газет. Но Вега продолжала читать. Она же не страус...

Вначале злилась, ругала Канаду. Потом стала жалеть ее... Поняла, что как в девяностые с Россией творили, что хотели, так и с Канадой сейчас. Только более мягкими методами. Так в России хоть народ — свой, поколениями там живущий, а стало быть, за нее стеной способный встать. А в Канаде набрали со всего света людей, которые, «если завтра война», разбегутся назад, по своим родинам.

Бедная страна, а она на них надеется! Клятву верности с них берет...

Но читая канадские СМИ, увидела Вега и местных героев. Коих немало. И которые ведут борьбу с Драконом по-рыцарски... Чаше это священники. Или верующие чиновники. Или верующие простые люди. Такие, будучи врачами, отказываются участвовать в «ассистировании при суициде» или, будучи владельцами типографий, не желают печатать греховную литературу, за что их таскают по разным трибуналам, защищающим права человека. Такие с амвона говорят об информационной диктатуре — это когда выразить свое мнение вроде бы можно, но не по всем вопросам, а то затравят.

Давно привлек ее внимание мэр. Широкий, краснолицый канадец ирландского происхождения. Килограммов под двести весом. Прославился он по всему миру тем, что не раз был встречен журналистами выпивши (в нерабочее, впрочем, время) и высказывался в разговоре с репортерами так, что те от радости чуть не писали в штаны: будет скандал!

О, сколько им открытий чудных дал он в последние годы! Назвал черных словом на букву «н», которое в России запросто везде писать можно, а в Канаде запрещено произносить, похвалил китайцев за трудолюбие и сказал, что скоро они обгонят весь Запад (за что его тут же заставили публично извиниться. Причем не за то, что низко оценил Запад, а за то, что посмел дать оценку китайцам), призвал отвязаться от России и много еще всего неприятного сказал.

Но Вега, которая газеты читала почти каждый день, заметила, что скандалы вокруг мэра начались с высказывания, что СПИДом болеют в основном гомосексуалисты и наркоманы.

Мэр был не Штирлиц. Он выдал себя.

Белый расист, гомофоб, алкаш, с симпатией относящийся к русским (Путина похвалил однажды!), домашний насильник (прошла информация, что бивал свою жену-француженку) — что может быть гаже? Именно к таким выводам о мэре приходил любой, читая статьи.

Да еще мэр начал сокращения в рядах чиновников, заявив во всеуслышание, что штаты раздуты и нечего тратить деньги налогоплательщиков.

Широким огненным потоком лавы обрушились СМИ на свою жертву. Его караулили у дома, у офиса, у загородного коттеджа. Не было знаменитости, каждый шаг которой СМИ так бы фиксировали. «Джед О'Фаррелл перешел дорогу в неподобающем месте!» — кричали заголовки, «Мэр уличен в том, что в баре с черными рэперами курил марихуану», «О'Фаррелл назвал велосипедистов на улицах болью в заднице!», «Мэр против того, чтобы убирать из публичных мест рождественские елки. Он не согласен, что они оскорбляют чувства представителей других религий».

А О'Фаррелл будто специально подливал масла в огонь: в жаркие июньские дни, когда готовился гей-парад, уезжал в глубинку и вещал в подставленные ему и там микрофоны: «Я не могу пойти на парад. Я уже обещал общественности этого городка, что буду у них на соревнованиях по прыжкам лягушек». А после и вовсе обнаглел. Заявил, что ему не нравятся голые мужчины и он не хочет на них смотреть. И сразу слег в клинику, где лечат алкоголиков. Спрятался.

А ведь мэр, который был до него, возглавил в свое время гей-парад, хотя и был «стрейт» — натуралом. Шел впереди приплясывающей толпы в трусиках и кожаных ремнях (а некоторые были и без этого) и выдувал мыльные пузыри. Кучерявый такой, дружелюбный, всем махал руками, чем и заслужил любовь наиболее продвинутых горожан. Без комплексов мужик.

Вега читала газеты и не могла понять: почему город растет и хорошеет, открывает одну станцию метро за другой, коли у него мэр — такой обормот, как пишут в газетах? Да что там местные газеты! Мировая пресса уже писала о Джеде О'Фаррелле как о сумасшедшем клоуне. В России народ раскрывал газеты и улыбался: ну, что там еще отчебучил этот канадский комик? Жириновский кленового сиропа.

— А ты бы так смог? — однажды спросила Вега своего мужа Толика, страхового агента.

— Как? — жуя сэндвич, спросил Толик, худой и бледный и, в отличие от мэра, непьющий и тихий.

— Ну вот так — взять и с высоты большого поста заявить о своих взглядах на то и на се?

— Нет, — сразу ответил Толик. — Сдать против ветра? Зачем? Твои взгляды — это твои взгляды. Зачем о них сообщать? Ты публичная персона, так и выступай по существу.

— Но О'Фаррелл христианин, а не только мэр, — тихо заметила Вега, и невидимые крылья за ее спиной поникли и слиплись. — Он не случайно роняет свои скандальные фразы, он борется, кося под простачка... Правду говорить и голову не потерять разрешают только шутам...

— Один в поле не воин, — веско заметил Толик, подливая себе чая. — Голову сломит, и все.

— Один в поле — воин, — сказала Вега, но муж ее уже не слушал, он включил телевизор.

— Один в поле воин! — крикнула Вега, и ударила своей чашкой по столу так, что та треснула и содержимое выплеснулось. — Всегда должен быть тот, кто первым произнесет! Мысли и идеи падают в массы и там варятся. Не сразу, но они сварятся! И после первого всегда придут другие! А первый — да, он погибнет.

— Ты с ума сошла? — строго спросил муж. Подбородок его дрожал от ярости. — Что ты до меня докопалась? Иди и целуйся с этим алкашом! Его вся Канада презирает. Он расист и алкаш!

— И гомофоб?

— Меня это не волнует! Меня волнует только наш моргидж¹, который я плачу, а ты с утра на меня орешь из-за какого-то мэра! И если хочешь знать — да, он гомофоб, и это мерзость, потому что люди такими родились, и нельзя их травить! Я не такой, но они мне не мешают. А если бы я был мэром, я бы пошел на их парад. Делов-то ку-ча! Мне ничего не стоит, а им — радость. И не было бы никаких скандалов.

— Ты пошел бы? — побледнела Вега.

— А, ну тебя! — яростно рубанул рукой воздух Толик и побежал в коридор одеваться, выкрикивая на ходу: — Ты надоела мне со своей политикой! Ты живешь прошлым! Не можешь перестроиться! Ты советская тетка! И мать твоя — тоже! Незачем было ехать в Канаду, если не разделяешь ее ценности! Здесь все равны и никто не имеет права дискриминировать! А Россию ругают — да, ну и что? От нее не убудет. А мэра твой...

Вега далее уже не слышала. Она сидела с прямой спиной и потерянным лицом. Она думала о том, что всегда знала: Толик — чужой человек. Но были в нем хорошие черты: трудолюбивый, ответственный. Дочку любит. Ларису, тещу, не обижает. Скучный, зануда — это да. Но это же не самое худшее, что может быть в человеке. Да, он трус еще. Но не в атаку же с ним ходить?

Так она успокаивала себя раньше. А сейчас думалось иначе. «Я потеряла с ним жизнь... Я просидела двадцать лет с ничтожеством». Она вдруг увидела свое изображение в зеркале. Лицо было печальным, а брови — домиком. Можно без грима играть Пьеро.

Она пошла в спальню, включила компьютер, а когда он нагрелся, нашла в фейсбуке страницу Джеда О'Фаррелла. И стала по-английски писать в «личку»:

«Дорогой Джед! Я русская эмигрантка и хочу сообщить вам, что в нашей общине вас очень любят и уважают...»

Вега остановилась и подумала. Да, уважают. Все ее знакомые, в отличие от Толика, к мэру относятся хорошо и жалеют его, такого русского по характеру. И газеты русскоязычные о нем хорошо пишут.

«Вы — настоящий. У нас, русских, есть детский рассказ, в котором ребенок говорит про светлячка: „Он живой и светится“. То есть обычный светлячок лучше любой дорогой игрушки. Потому что это живая душа. Так вот у вас — живая, неравнодушная, открытая душа!

Вы — смелый человек. И умный. Вы не боитесь в одиночку противостоять. Вы смелее в лицо своим трясущимся за посты и репутацию коллегам, вы один победили кучу журналистов. Они смотрятся жалко на вашем фоне. Бегают за вами, ловят каждый промах. Вы творите историю города. А они только описывают ваши дела...»

И вдруг в ее «личке» стали появляться буквы, слова... Вега широко раскрыла глаза.

«Дорогая Вега, спасибо вам за поддержку. Мне очень приятно слышать... Мне пишут много людей, которые меня поддерживают, но из русской общины пишете вы первая».

За несколько секунд, пока Вега думала, что ответить, он написал:

«Kak dela?» — и поставил смайлик.

Вега тоже поставила смайлик и написала:

«Русские любят таких, как вы. Которые не скрывают мыслей и чувств. Я слежу за вашей деятельностью уже четвертый год. Вы — замечательный. Я вас люблю».

И поставила человечка, держащего в руках свое большое сердце.

О'Фаррелл молчал. Потом появилась строчка:

«Вы красивая женщина».

¹ Mortgage — ипотечный кредит (англ.).

Вега была так взволнована, что подскочила и прошлась по комнате. Потом закрыла лицо руками. Что за человек! Он пишет это незнакомой женщине и не боится, что она журналистка или даже журналист-мужчина, который под фальшивым именем пытается спровоцировать мэра на скандальные высказывания. Вега уселась на стул и снова принялась строчить.

«Мы не верим ничему, что про вас пишут. Вы хорошо все делаете в городе. Пьющий человек не может держать город в столь прекрасном состоянии. Выставляйте свою кандидатуру на следующие выборы. Многие в русской общине — за вас».

И получила ответ:

«Дорогая, спасибо большое. Я очень рад, что у меня есть поддержка в русской общине. Я люблю вас всех, будем вместе стараться сделать город лучше».

Вега послала мэру все, что имелось в наличии: цветы, торт, свечи, улыбки, сердечки.

Он прислал ей картинку руки с выставленным большим пальцем. Мол, все путем.

* * *

Вега не видела, что когда она писала последние строчки, сзади подошла мать.

— Тот самый? — ахнула Лариса, увидев имя «Джед О'Фаррелл» у дочки в «личке».

— Ага! — радостно кивнула Вега. — Представляешь? Отвечает простым людям. Комплимент мне сделал! А-а-а! Он такой классный! — завизжала Вега. — А как ты думаешь, может, стоит навестить его? Ну, скажем, принести в офис корзину цветов от любящих горожан?

Мать смеялась.

— Хочешь стать его любовницей? — спросила.

— Хочу! — заявила Вега. — Ему сорок пять, мне сорок. Баран да ярочка. Хоть обласкаю мужика. Ты знаешь, что его супруга на него в полицию заявление подавала? Что будто бьет?

— Так и бьет, поди...

— Нет, он добрый, — мотнула головой Вега. — Я читала статью, там о нем писала женщина, которая лечилась в клинике от алкоголизма, когда он туда слег. Она писала, что он очень добрый и ласковый с людьми, что он называл ее «птичкой», что долго разговаривал, без всякой спеси.

— Ну, выглядит, что так... Лицо у него доброе.

— Вот из меня бы мэра получила! — мечтала Вега. — Я бы ни слова поперек ему не сказала, потому что работа трудная и все преследуют... Встречала бы, ботинки бы снимала — такому человеку не грех и ботинки снять. Кормила бы, и слушала, и жалела.

— Что-то я не представляю, — хихикнула мать. — Ну... все прочее... он же двести кило. Это как под танк броситься.

Они расхохотались, а потом стали собираться на работу — в цветочный магазин.

Вега не собиралась в любовницы. Она просто хотела поддержать О'Фаррелла. Она знала, что известные люди часто одиноки при всем том, что вокруг них постоянно водят хоромы. Когда-то давно, еще в детстве, они с мамой часто слушали радио и обе очень любили композитора Георгия Свиридова. Мама однажды сказала, что надо бы написать ему о том, какой он замечательный, сообщить, что они, Лариса и ее дочка, его всегда слушают и считают лучшим композитором современности. А потом Лариса передумала, потому что решила: он такой известный, ему рукоплещут концертные залы всего мира, на что ему письмо какой-то преподавательницы провинциального вуза и ее маленькой дочки? Стыдно отнимать время у занятого человека...

А позже, когда композитор умер, Лариса и Вега узнали из газет, что его травил в Союзе композиторов, травил настолько, что он писал в дневнике: «Я живу один, как пария, ко мне никто не ходит».

Как, наверное, ему были бы приятны письма простых слушателей! Лариса пожалела, что постеснялась написать маэстро.

Потом Вега влюбилась в одноклассника и любила его самозабвенно и отчаянно, но так и не раскрыла своих чувств, хотя по некоторым приметам догадалась, что и она ему нравилась. А потом он разбился на мотоцикле.

С тех пор, сделав выводы, Вега старалась, если ей кто-то нравится, говорить человеку об этом. Пока не ушел. И плевать, что он там подумает. Пусть считает, что она влюбилась, что восторженная дуручка, главное — чтобы ему стало теплее жить.

* * *

У них завязалась переписка. Ну как переписка? Вега писала короткие тексты — свои впечатления от скандальных новостей о мэре, шутила, а он не то чтобы отвечал, но, как она заметила, читал. И всегда присылал короткий, но ласковый ответ.

Нет, она ни за что не стала бы писать, если бы не видела обратной связи и того, что ему интересно. Однажды на проверку пропала. Так в «личке» у нее через неделю появилось:

«Что случилось?»

И Вега продолжила свои записки.

Потом Джек стал отвечать чаще, и его ответы стали длиннее. Тоже шутил. Спрашивал ее, как бизнес. Делал комплименты. Сообщил, что выставил свою кандидатуру на выборах (о чем она уже знала), и предложил ей прийти на пикник в парке, который он устраивает для избирателей.

Она постеснялась прийти. Долго раздумывала, потом все же не пошла. Он там будет в толпе обожателей — таковые у него имелись в изобилии. Газеты даже ехидно называли их «легионом О'Фаррелла». И что, ей пробиваться к нему сквозь толпу? За чем? Она ему и так все сказала в «личке». Она ж не «сыриха», чтобы за знаменитостью бегать.

После этого не писала две недели. Не знала, как объяснить, почему не пришла.

И получила от него короткую строчку:

«Я соскучился».

Отношения с мужем у Веги вконец испортились. Она перестала его замечать. Толик же обозлился и замолчал. Не разговаривал даже с дочерью. Но Вега не заморачивалась. С ним и раньше говорить не о чем было — разве что о страховках. Толик любил рассуждать о том, что жизнь полна неожиданностей и половина из них — неприятные. Что от укусов комаров, пауков и других насекомых в мире умирает намного больше людей, чем в результате автоаварий и авиакатастроф. А потому надо соломку подстилать.

— Живя с тобой, хочется купить гроб, — вздыхала Вега.

— Ну да, и обложить его цветами из твоего магазина, — парировал Толик.

Вега на какое-то время перестала читать газеты, так как наступил май — время горячее, когда начинаются свадьбы. В Канаде не знали, что «жениться в мае — век маться», и всю женились. И нужны были свадебные букеты. Вега с Ларисой каждый день допоздна работали: они не только составляли букеты, но и снабжали свадьбы нарядными чехлами для стульев, скатертями, обвивали беседки гирляндами...

Вега решила повторить здесь красивую церемонию, которая существовала в ее родном Томске. Там новобрачным давали мешок с голубями, и они выпускали птиц в парке, у Вечного огня. Голуби улетали, это снимали на видео, было романтично,

красиво. Правда, у ног новобрачных оставался мешок с дерьмом: птицы, пока сидели в мешке, боялись, нервничали и усиленно ходили под себя. А потом улетали, а дерьмо оставалось. Вега думала, что это очень символично. Но новобрачные о плохом не думали и радовались красивому обряду.

Вега наблюдала много свадеб и заметила, что будущую семейную жизнь пары можно предсказать уже по свадьбе. Ну, если знать о ней все-превсё... Вот свадьба, где невеста сидит расфуфыренная, на пальце обручалка за несколько тысяч, а жених бегаёт, как слуга, распоряжается, то и дело песню для нее заказывает и глаз не сводит... Это добрый знак. Хорошо, когда мужчина любит, а женщина позволяет себя любить. Такой брак прочнее.

Плохо, когда на невесте платье, купленное ею же самой или, что еще хуже, взятое напрокат. Значит, жених не соизволил потратиться... А там еще и кольцо самое дешевое или тоже самую ею купленное. И бегаёт такая невеста, распоряжается всем и даже фату сняла, так как без нее сподручнее трудиться на собственной свадьбе. А женишок сиднем сидит, красавец.

Кажется, у Островского в пьесе: «Красивый мужчина женщине дорого обходится». Попадет-попадет на него бабенка, думает Вега, да и сломается — разведется. А может, до конца жизни будет терпеть за его смазливость. Уже на свадьбе видно, что все оплачено невестой. Из ее нарядной белой сумочки идут деньги музыкантам, ее спрашивает менеджер ресторана, не подать ли еще и супердорогой коньяк...

Вега вздыхает и думает, что у нее Толька хоть на шее не сидел никогда, зарабатывал, зарплату отдавал. А то, что трусоват и скучен — да и ладно. Что уж теперь-то, через двадцать лет жалеть?

Она перестала читать газеты, но по дороге на работу увидела на столбе плакат о том, что в центре города намечается демонстрация против убийства христиан на Ближнем Востоке. Ее это тронуло. Она видела страшные фотографии распятых в Сирии людей, окровавленные трупы. Решила пойти. Пусть видят, что и русские переживают за христиан Востока.

* * *

Утром выходного дня она надела джинсы, куртку — накрапывал дождик, удобные туфли без каблука, положила в сумку российский флаг — одно полотнище, без древка, Владимирскую икону Божьей Матери — свою любимую — и поехала на метро в даунтаун. Так удобнее — не надо для машины искать стоянку.

Когда вышла, сразу увидела толпу, человек с тысячу, у здания парламента. Подошла к ней, оглядела. Были в основном арабы, пакистанцы, индийцы. Белые канадцы тоже присутствовали. Вега привязала себе на шею полотнище российского флага — он стал ей как мантия, доставал до земли — и взяла в руки икону. И к ней сразу дружелюбно обратилась белая женщина: «Это украинская икона?»

— Нет, русская, — ответила Вега.

Лицо у женщины вытянулось, и она с холодным видом отвернулась. А Вега сообразила, что неправильно ответила, ведь икона — общая, и пояснила:

— Икона и русская, и украинская. Мы один народ.

Женщина посмотрела на нее ошарашенно и опять отвернулась. Вега подумала, что она, наверное, украинка. Потомок западенцев, которые приехали в Канаду еще в начале двадцатого века. Дико им, конечно, слышать о русско-украинском единстве.

Тем временем на маленькой сцене, предназначенной для митингов, стояли несколько человек. Все англосаксы. Священники, лидеры каких-то организаций. Одного священника Вега знала по газетам. Это самый известный пастор Канады, мистер Йен

Хопкинс. Борец против сексуального образования и абортов. Баптист. У него в Интернете многотысячная группа и авторитет среди христиан всей страны.

Он вышел вперед и поднял руку, призывая к тишине. Все замерли.

Священник начал говорить об ужасах, что творятся в Ираке и Сирии, а затем произнес:

— Мусульмане! Мы любим вас...

И замер. И толпа замерла. Все вглядывались в себя: а любим ли? Как христиане, должны любить, не должны перекладывать вину террористов на всех мусульман. Но — получается ли? Вега думала об этом же и ощущала укор совести: она не находила в себе любви. Слишком много ужасов показывало телевидение... И хотя понятно, что «ящику» не должно быть полной веры, но все равно действовало...

Вега почувствовала, что все вокруг думают то же самое и испытывают такую же вину, что не смогли полюбить. Она давно заметила, что когда стоишь в толпе единомышленников — а она в данный момент стояла среди людей, которым безразлична война на другом конце планеты и которые переживают о жертвах этой войны, среди христиан, таких же, как она сама, — так вот, когда стоишь в толпе единомышленников, абсолютно понятно что толпа чувствует. Есть некое незримое, но ощутимое поле. Общее. И без всяких слов понятно, одобряет ли толпа выступающих, осуждает ли, возмущена ли или, напротив, обрадована.

И сейчас Вега почувствовала растерянность людей, их минутную подавленность тем, что они не ощущают в своих сердцах любви к тем мусульманам, которые ни в чем не повинны.

— Мусульмане! Мы любим вас, — повторил священник. — Но мы никогда не предадим Господа нашего Иисуса Христа!

И толпа взорвалась аплодисментами и выдохнула...

Потом на трибуну выходили разные выступающие, говорили что-то, но Вега отвлеклась. День был пасмурный, накрапывал мелкий дождик, и собравшиеся на митинг выглядели мокро и бедно. Она обратила внимание, что люди одеты плохо. Черные и серые куртки и пальто, недорогие джинсы, потрепанные сумки. Вега поняла, что стоит среди бедняков. Среди почти нищих, которые обладают отзывчивым сердцем.

Вега вдруг будто отделилась от своего тела, и с расстояния в несколько метров увидела всех — весь митинг, и себя в том числе. Несчастные люди, не обладающие никакими рычагами власти, работающие на своих маленьких рабочих местах, получающие маленькие деньги и страдающие оттого, что где-то творится зло. Из пятимиллионного города их тут собралось с тысячу. Донкихотов, желающих что-то там показать сильным мира сего... Хотя бы просто пройти с фотографиями жертв. Ей стало больно за них и страшно за мир, в котором на митинг в защиту без вины уничтожаемых ходят только бедные.

— Разрешите? — к ней подошел высокий, худой чернокожий мужчина в длинном черном плаще. Он указал пальцем на икону. Вега поняла, что он хочет приложиться, и подставила. Он поцеловал уголок иконы, там, где одеяние Богородицы. Перекрестился, сказал «спасибо» и отошел.

Тем временем Йен Хопкинс призвал всех идти к американскому посольству. И толпа пошла. По тротуару одной из главных улиц города. Впереди шли священники и лидеры общественных организаций. А за ними, чуть ли не приплясывая, народ. Вега строилась к лидерам, она видела видеокамеры журналистов, и ей хотелось, чтобы они запечатлели женщину с русской иконой и флагом. Чтобы все сирийцы и иракцы Канады видели: они русским не безразличны. Русские их жалеют.

К ней подскочил журналист с камерой.

— Что означает ваш флаг и икона? Почему вы пришли на демонстрацию? — спросил он, и Вега сказала, что это российский флаг и православная икона и она пришла

потому, что ее, как и всю Россию и Русскую православную церковь, волнует судьба христиан Ближнего Востока. Что русские переживают и молятся за то, чтобы зверства прекратились. И Запад должен приложить все усилия для установления мира на этой древней земле.

Журналист отбежал к другим, Вега оглянулась и вдруг застеснялась. За ней шествовала толпа, по виду и поведению напоминающая цыганский табор. Выглянуло солнце, и люди порасстегивали куртки и пальто. Под ними оказались цветастые рубашки и платья, под платьями еще и шаровары, и вся эта толпа шествовала, почему-то напевая и приплясывая. Лицом к ним, то есть задом наперед, как рак, шел пакистанский религиозный деятель. Священник их. Он что-то диким, рычащим голосом выкрикивал своей пастве. Кричал просто-таки дурниной, а толпа отвечала. Это была какая-то речевка... Вега подумала, что если бы в ее церкви священник так кричал, она бы со страху описалась. Она взглянула на Йена Хопкинса и увидела, что он, не оглядываясь на тех, кого ведет, улыбается в усы. Слегка опустив голову, скрывая улыбку. Он, видимо, не в первый раз предводительствовал такой демонстрацией и знал что творится у него за спиной.

Они дошли до американского посольства и встали через дорогу, напротив. Посольство было огорожено высоким забором. Металлические острые прутья. И судя по всему, никого внутри не было. Выходной.

А может, и были. Вега вглядывалась в окна. Там, наверное, есть камеры, которые записывают, что творится вокруг.

Йен Хопкинс снова произнес речь, а за ним стали выступать разные другие деятели. Это были антивоенные речи. Под конец слова попросил парень с израильским флагом на плечах. Незадолго до этого он сказал Веге, что является христианином, и расспросил, много ли христиан среди советских евреев. Парень попросил у Йена Хопкинса слова в оригинальной манере. Он сказал, что поскольку евреи были первыми христианами, он имеет право закруглить митинг на иврите.

Никто не протестовал. И парень что-то произнес на своем языке. Короткую речь. Ему захлопали, хотя никто ничего не понял. Хопкинс взял у него микрофон и поблагодарил всех за то, что пришли. Сказал, что Бог видит их равнодушие к страдающим на Ближнем Востоке и вознаградит за доброту.

Всем стало приятно. Поверили. Расслабились, стали знакомиться друг с другом, образовались кучки, человек по пять-семь. Потом вдруг чернокожий, который целовал икону, громко произнес:

— Тут рядом госпиталь, в котором лежит Джек О'Фаррелл. Давайте пойдем туда и помолимся за его здоровье!

Вега обомлела. А потом спросила мужчину:

— А что с ним?

— Опухоль мозга. Все газеты писали, — ответил чернокожий, пока люди строились в колонну, чтобы пойти к госпиталю. — Он и кандидатуру свою снял с выборов.

Вега не пошла. Она отправилась домой — расстроенная и растерянная. Когда уходила, чернокожий поблагодарил ее: «Спасибо, что вы пришли. Приятно осознавать, что русские с нами».

* * *

Дома Вега перечитала в Интернете все городские газеты, которые сообщали, что внезапно у мэра нашли рак мозга, его будут оперировать, но он держится весело, с оптимизмом. В выборах больше не участвует.

— У меня, наверное, паранойя, — сказала Вега матери. — Мне почему-то кажется, что его раком заразили. Есть же такая версия, что это инфекционное заболевание... Уго Чавес вот тоже неудобным был. Они испугались, что О'Фаррелл победит...

— Кто знает, может, и так, — вздохнула мать. — Жаль Джеда. Ведь куча швали всякой живет, а такой человек...

Она ушла стирать, а Вега открыла папку, где лежали сканированные файлы, и обомлела. Там была засканирована ее переписка с мэром. Все, вплоть до «я соскучился».

Она выскочила на кухню, где Толик ужинал.

— Зачем? — спросила, чувствуя нервную дрожь.

— Денег заработаем, — глупо ухмыльнулся муж. — Ты представляешь фурор? Идут выборы, а тут появляется инфа, что женатый мэр ухаживает за эмигранткой. За цветочницей. Да еще и русской. Газеты будут орать про русский след, называть его бабником, а мы получим деньги. Ты понимаешь?

— Я все стерла!

— А я записал на флешку.

— Отдай немедленно! — закричала Вега. — Он болен, он снял свою кандидатуру с выборов!

— Да? Не знал. Жаль. Значит, заплатят меньше. Но скандал все равно состоится.

Толик встал и ушел. И когда она побежала за ним в спальню, оказалось, что он там закрылся.

— Я не выпущу тебя! — кричала Вега, сидя под дверью. — Ты никуда не пойдешь!

— Дура, — спокойно отвечал Толик. — Газеты нам столько заплатят, сколько ты и не видела разом. Я, правда, не знаю, сколько просить, но думаю, сумму все равно дадут солидную. А то цветочки свои продаешь и думаешь, что это деньги... А мэру твоему что? Одним скандалом больше, одним меньше...

Вега постелила себе у дверей спальни, в которой спал муж, но утром пропустила тот момент, когда он приоткрыл дверь и, переступив через нее, вышел. Она рванулась за ним, в чем была — в пижаме, и догнала у двери. Пыталась выхватить портфель, где, думала, находится флешка. Дочь выскочила из комнаты и смотрела на все это круглыми глазами.

Анатолий вырвался и, прыгнув в машину, поехал. Вега села в другую машину и рванула за ним. Обратила внимание, что Толик едет в центр — туда, где расположены здания главных газет. Улучив момент, когда на дороге было пустынно, Вега нажала на газ и ударила автомобиль Толика сзади. Несильно, но чтобы он почувствовал удар. Он тоже нажал на газ, чтобы оторваться. Вега снова догнала и снова ударила, уже сильнее. И Толик остановился. Он вышел из машины бледный и спросил:

— Ты с ума сошла? Ты сама будешь обе машины ремонтировать! За свои деньги!

— Буду, — тяжело дыша, отвечала Вега. — Флешку гони. Я убью тебя, подлеца. Меня посадят, дочь одна останется...

— Да пошла ты! — Толик бросил флешку на землю, сел в машину и уехал.

Вега подняла ее, все еще не веря в удачу (а вдруг это другая?), и что есть мочи понеслась домой — проверять, что на ней. Ехала и плакала. Вот козел! Какой же козел!

* * *

С этого дня она стала стирать свою переписку с Джедом. А там было не так уж много... Она выражала ему сочувствие, писала, что он непременно поправится. Потому что сильный и еще не старый. Он отвечал в обычной своей манере — ласково и весело. Потом пропал. Потом написал, что очень плохо себя чувствует.

В газетах же появилась информация, что он идет на поправку. А через месяц — что рак вернулся.

И Вега поняла, что это конец. И почувствовала, что и он это отчетливо осознал. Она продолжала писать ему ободряющие слова. А он ответил, что нет, мол, я не выздоров-

вею. Но я не расклеился, я приму все, как положено мужчине и христианину. Но жаль оставлять этот мир.

И тогда Вега написала то, что на самом деле думала с самого начала, как только услышала о его болезни. А думала она, что он, конечно, не выздоровеет. Потому что слишком хорош. А Бог — «он самых лучших выбирает и дергает по одному». Праведники не живут долго, писала мэру Вега, потому что земная жизнь — это испытание. И тот, кто быстро доказал, что он готов жизнь положить за други своя — солдаты на фронте, или те, кто спасают девушку от хулиганов в темной подворотне, или просто добрый человек, который всех жалеет, раздает милостыню, — такие не живут долго. Борцы за справедливость, то есть опять же те, кто жертвует собой ради других, тоже уходят рано. А вот самые отъявленные грешники, самые страшные негодяи — те живут дольше всех. Например, военные преступники. Их ведь то и дело то в Канаде находят, то в Аргентине, то в Уругвае... Им под сто лет, а копят землю. А все почему? Бог до последнего ждет покаяния.

Джед несколько минут не отвечал, а потом написал: «Пожалуй, я согласен». И попросил: «Приходи к госпиталю, я посмотрю на тебя в окно».

И Вега в назначенное время пришла. В бирюзовом плаще и таких же туфлях на высоких каблуках. С большим букетом чайных роз. Она встала напротив госпиталя и смотрела в окна пятого этажа. В одном из них вскоре увидела его — полного и бледного. Лысого. Помахала ему. Потом подбросила цветы в небо так, что они попадали вокруг. Потом принялась танцевать русский танец, используя вместо платочка салфетку. Уперла руки в бока, выделяла ногами кренделя, а он стоял и смотрел. Она не могла разглядеть, улыбается или нет. Но старалась, плясала. Даже если смеется над ней, то пусть. Пусть она выглядит глупо, лишь бы развлечь его...

Когда приехала домой, от Джеда было сообщение:

«Это было бесподобно. Будь счастлива!»

Через десять дней газеты сообщили, что мэр скончался.

* * *

На похоронах Вега плакала. Она стояла в огромной очереди, где видела и женщин, утирающих слезы, и мужчин. Кого здесь только не было! Эмигранты со всего света, черные и белые, азиаты, коренные канадцы, старики и подростки... Но все это были бедные люди или люди среднего достатка. А ведь мэр был богачом. Но любил его лишь простой народ. Чиновников на похоронах не было.

Газеты продолжали злобствовать, с иронией писали о «легионе О'Фаррелла» и выставляли фотографии непременно тех людей, которые смотрелись поплоче. Рабочего вида мужиков в ковбойских сапогах и клетчатых рубашках, татуированных девушек. Все это должно было убедить читателей, что за гробом шел «трэш» — мусор. Но люди не обращали внимания на газетные статьи. А потом целую неделю после похорон в соцсетях крутилось и крутилось видео, которое все ставили себе на страницы: краснолицый, рыжий толстяк танцует в зале суда, куда его однажды притащили, обвинив в — ни больше ни меньше — нападении на трансвестита. Доказать нападение не удалось, так как оказалось, что мэр был очень далеко от места происшествия, когда на сексменьшинство напали. Но организаторам иска нужен был не приговор, а шум вокруг мэра...

И вот О'Фаррелл оправдан, и танцует перед камерами ненавидящих его журналистов. Широкий, с добрым лицом и веселыми глазами под рыжими бровями. Он взмахивает руками, на которых пальцы как сосиски, и, одаривая окружающих задорной улыбкой, приплясывая, удаляется. Удивительно легко протискиваясь сквозь узкий дверной проем.

А широкими дверями он никогда и не ходил.